

УДК 821.161.1

Диалогическое пространство переписки Валерия Брюсова и Нины Петровской как способ конструирования художественного пространства романа «Огненный ангел»

Павлова Татьяна Леонидовна

Заведующая кафедрой филологии Технического института (филиал),
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
678962, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), Нерюнгри, ул. Кравченко, 16,
e-mail: pavlova-sizykh@yandex.ru

Ларина Надежда Альбертовна

Кандидат культурологии, доцент,
Государственный социально-гуманитарный университет,
140411, Российская Федерация, Коломна, ул. Зеленая, 30;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Аннотация

В статье отмечается важность переписки для восприятия текста произведения. Особенно обращается внимание на переписку как источник сведений о тексте в символистском романе, в частности, в уникальной в своем роде ситуации романа «Огненный ангел» Валерия Брюсова. Прототипы героев романа – Валерий Брюсов и Нина Петровская – вели обширную многолетнюю переписку, и любое жизненное событие переживалось ими в двух текстовых планах – сначала в эпистолярной, а затем в тексте романа. Эту роль романа Брюсова как «промежуточного пункта» на пути превращения жизни в искусство авторы аргументируют и отстаивают в данной статье при явной перспективе исследования на материале романов других периодов и иной жанрово-видовой природы.

Для цитирования в научных исследованиях

Павлова Т.Л., Ларина Н.А. Диалогическое пространство переписки Валерия Брюсова и Нины Петровской как способ конструирования художественного пространства романа «Огненный ангел» // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 258-267.

Ключевые слова

Символизм, роман, переписка, реконструирование, Брюсов, Петровская.

Введение

Письма помогают восстановить большую часть внутренней истории текста как предшествующую его созданию, так и следующую за ним. В меньшей степени они могут стать источником внешней информации (чаще всего на уровне каких-то частных реалий, упоминающихся в автобиографичных произведениях). Текстологическая информация также может быть почерпнута из писем, но это, как правило, не столько история публикации, сколько информация о различных вариантах заглавия, замысла, сюжета и т. п.

Письмо как источник информации о тексте

Все вышеизложенное можно сказать как о письмах самого автора, так и о письмах близких ему людей, осведомленных в истории создания произведения. Однако именно авторские письма обладают еще одной очень важной функцией: они помогают читателям приблизиться к процессу создания художественного произведения. Автор предстает перед ними одновременно и создателем текста, и обыкновенным человеком, ведущим переписку. Это чрезвычайно важно, если речь идет об автобиографичных произведениях. Переписка помогает читателю и литературоведу отделить средства создания образа лирического героя от личности самого автора. Анализируя письма, мы получаем информацию о действительности, не прошедшей через осмысление образами, и тем полнее можем судить о процессе создания художественного образа и его воплощения в тексте.

Письмо можно рассматривать как часть художественного наследия автора, как своего рода мост между художественным творчеством и действительностью, так как манера, стиль, особенности приемов в письмах и в художественных произведениях похожи. В некоторых случаях переписка также становится информацией о «подводных камнях» творчества, о тех процессах, которые происходят в душе писателя.

Для практического анализа переписки как источника комментариев к тексту было выбрано произведение той эпохи, когда превращение действительности в искусство с помощью художественного образа декларировалось как основной принцип творчества.

Особенности текста в эпоху символизма

Речь идет об эпохе символизма. Один из теоретиков этого направления Андрей Белый пишет: «Искусство жить есть эстетическое творчество во внешнем определении его. Внешность жизни есть материал творчества при внутреннем определении ее» [Белый, 1994, 242].

В качестве примера нами был выбран роман В. Брюсова «Огненный ангел», так как история его написания – беспрецедентный случай в литературе: роман не просто основан на реальных событиях (отношениях В. Брюсова, Н. Петровской и А. Белого), но и своего рода

«основан» на достаточно обширной переписке двух «главных героев» – Нины Петровской и Валерия Брюсова.

«Огненный ангел», в первую очередь, исторический роман. Действие его происходит в начале XVI века. Для установления исторической достоверности его автор проделал большую работу [Лавров, Гречишкин, 2004, 75]: «Брюсовым было изучено немало исторических документов, специальных исследований, монографий, просмотрено много иконографического материала. Об этом говорит и множество книг и исследований, упомянутых в примечаниях, и соответствие даже мелких деталей романа фактам, известным, по подлинным материалам XVI в.» [Чудецкая, 1974, 345]. Первые комментаторы романа, отмечая кропотливую работу Брюсова над текстом, все же сочли это излишним и затемняющим восприятие основной сюжетной линии [Ясинская, 1964, 121]. Более поздние исследователи романа видят в такой схеме попытку воспроизвести структуру сознания человека начала XVI века: «... исторические даты и лица служат своеобразными вехами, которыми отмечаются бурные события личной жизни Ренаты и Рупрехта. <...> Особенность историзма „Огненного ангела“ не в воссоздании внешних примет эпохи, хотя это условие соблюдено автором с известной педантичностью, или портретов и характеров исторических деятелей, а в воспроизведении типа мышления современников эпохи Возрождения и Реформации (или Северного Возрождения): ученых, священнослужителей, рыцарей, простолюдинов и пр.» [Ильев, 1991, 75].

Почему же «Огненному ангелу» не была суждена слава грандиозного исторического романа? Очевидно, второй план, присутствующий в его структуре, оттеснил исторические подробности, превратил их в фон. И этот второй план – особенности «Огненного ангела» как символистского романа.

Современники восприняли роман Брюсова прежде всего как художественное изложение взаимоотношений автора с Андреем Белым и Ниной Петровской [Лавров, Гречишкин, 2004, 7]. Существуют свидетельства, что первоначально Брюсов замыслил грандиозную историческую хронику, но впоследствии отказался от этой идеи и сосредоточился на изображении символически переосмысленных личных отношений [Мочульский, 1997, 422]. Некоторые критики даже видят в романе Брюсова продолжение его лирики, то есть вставляют его в ту же символическую раму [Эллис, 1998, 74]. Символисты не только не разграничивали жизнь и творчество, но старались всеми силами стереть грань между ними, сделать жизнь – творчеством, а творчество – жизнью. В этом случае можно говорить о двух разнонаправленных векторах: путь от жизни к искусству, воплощение жизни в искусстве и путь от искусства к жизни, претворение творчества в жизнь.

Однако в символизме существовал и обратный вектор, возможно, еще более сильный и опасный для тех, кто движется в этом направлении. Сама жизнь становилась произведением искусства, переживалась как поэма, сознательно строилась, обладала своей композицией, которую нельзя было нарушить. В.Ф. Ходасевич обращает внимание на этот феномен в пер-

вых же строчках своего «Некрополя»: «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением» [Ходасевич, 2001, 36]. В «Некрополе» среди крупных писателей и поэтов есть и другие герои: те, кто не столько прославился на литературном поприще, сколько смог сотворить поэму из собственной жизни. В качестве примера Ходасевич приводит Нину Петровскую, С.В. Киссина (Муни), Модеста Дурнова и других.

Роман «Огненный ангел» Валерия Брюсова находится на стыке двух этих векторов: воплощения жизни в искусстве и превращения жизни в искусство. С одной стороны, Нина Петровская, ставшая прототипом героини романа, одна из тех, кто, по словам Ходасевича, «создал поэму из своей жизни». Более того, само разграничение между «даром писать» и «даром жить» выделено Ходасевичем применительно собственно к ней. С другой стороны, прототипы двух других героев – графа Генриха (Мадизэля) и Рупрехта – Андрей Белый и Валерий Брюсов соответственно – это идеологи «жизнетворчества», крупнейшие теоретики воплощения искусства в жизни и жизни в искусстве. Сам автор романа, Валерий Брюсов, неоднократно говорил о необходимости «творить свою жизнь» [Ермилова, 1989, 59].

Опубликованная переписка Валерия Брюсова и Нины Петровской охватывает годы с 1904 по 1913 годы. В последние годы это уже нельзя назвать перепиской в полном смысле слова – отвергнутая Петровская пишет Брюсову вначале огромное, затем от года к году сокращающееся количество писем, на которые он не отвечает (по крайней мере, сохранившихся ответов нет).

Письма первых лет содержат множество сведений о непосредственной работе над романом «Огненный ангел» и многие другие данные, важные для исследователей романа. Замысел «Огненного ангела» в процессе работы подвергался изменениям. Однако, уже приступая к работе, Брюсов неустанно сообщает Петровской о том, что это будет «ее роман»: «Сейчас у меня есть только одна отрада: та, которую я верно предвидел, – мой роман. Твой роман. Пишу его увлеченно, пишу, предавшись работе, весь день» (письмо от 10 июля 1905 г.) [Брюсов, Петровская, 2004, 82].

Работу Брюсова над романом «Огненный ангел» исследователи разбивают на пять этапов:

«1. 1897 г. – поездка в Германию, посещение Кельна, зарождение идеи романа. Начало 1900-х гг. – изучение источников и подготовка материалов к роману.

2. Июль 1905 г. – 24 сентября 1906 г. – подготовительные планы, наброски сюжетных вариантов и работа над первой редакцией «Огненного ангела».

3. Конец 1905 г. – попытка изменения замысла в сторону развернутого изображения исторических событий Германии XVI века.

4. Конец 1906 г. – 6 июня 1908 г. – работа над второй редакцией романа, создание окончательного варианта текста (третьей редакции), параллельно печатавшегося в журнале «Весы».

5. 1909 г. – подготовка отдельного издания «Огненного ангела» (работа над примечаниями к роману и подбор иллюстративного материала)» [Лавров, Гречишкин, 2004, 77].

С 1904 года Брюсов и Петровская активно переписываются. Последнее из найденных писем Брюсова к Петровской датируется 3 апреля 1909 года (хотя в тексте ее писем есть указания на то, что от него приходили письма и после этой даты). Если стадии работы над романом разделить в соответствии с концепцией жизнетворчества: жизненные события – воплощение их в искусстве – влияние произведения искусства на жизнь – то получается, что все эти стадии можно проследить по переписке автора с прототипом главной героини.

Особенности «Огненного ангела» как романа именно символистского, написанного в русле концепции жизнетворчества, стирания границы между искусством и жизнью, открывают дополнительные возможности исследования переписки: письма становятся способом проследить влияние текста на жизнь. Поскольку переписываются между собой одновременно и автор с «главной героиней» и «главная героиня» с «главным героем», то можно фиксировать не только влияние людей на текст, но и влияние текста на людей.

История возникновения романа «Огненный ангел» – случай в литературе беспрецедентный. Автобиографические произведения встречаются в русской и мировой литературе постоянно. Нередко и других персонажей романа «списывают» с людей, вплоть до мельчайших подробностей. Реже, но встречаются случаи «экспериментов» над людьми (наподобие пресловутой «дуэли» Брюсова с Белым). Однако наличие переписки двух «героев» романа не имеет аналогов. Именно поэтому к выделенным ранее функциям переписки в литературоведении можно прибавить еще одну, свойственную именно роману «Огненный ангел»: роль «промежуточного пункта» на пути превращения жизни в искусство.

Сложные взаимосвязи жизни и искусства в символизме осложняются еще и переживанием всех событий в рефлексии: на страницах дневника и писем. Иными словами, всякое жизненное событие проходит через двойную обработку текстом. Всякое событие реальности, попадая в текст, преломляется, изменяется и в дополнение к и так уже имевшемуся у него символическому смыслу (а иначе символисты и не жили) обретает еще один, текстовый и в то же время символический. Когда же текстов становится два, смыслы и вовсе множатся, как говорил Ходасевич, «в геометрической прогрессии». «...„Романы“ символистов творились одновременно в разных «планах» бытия, жизнь и искусство постоянно подменяли друг друга, создавая, в общем-то невыразимую путаницу отношений» [Ермилова, 1989, 58].

При этом переписка Брюсова и Петровской началась как раз после счастливого периода их любви: месяца, проведенного ими вместе в Финляндии. Все события, которым было суждено лечь в основу будущего романа, – встреча и расставание с Белым, любовь к Брюсову, «поединок» Брюсова и Белого – уже произошли, а сам роман еще не был написан. Письма первых лет по хронологии как раз находятся между событиями реальной жизни и трансформацией их в события романа «Огненный ангел». Таким образом, многие события в жизни Брюсова и Петровской проходят следующий путь: из жизни в текст письма, а оттуда – в

текст романа. Такой путь, например, был пройден в отношении «медового месяца» Брюсова и Петровской в Финляндии. Как указывает биографическая справка к переписке, «Июнь 1905 г. Брюсов и Петровская провели в пансионате Рауха на озере Сайма (юго-восточная часть Финляндии), на обратном пути останавливались в Гельсингфорсе (Хельсинки)» [Брюсов, Петровская, 2004, 68]. Активная переписка между ними началась как раз после этого проведенного вместе месяца. До этого Брюсов и Петровская обменивались не более чем короткими записками, носившими скорее формальный характер. В письмах они постоянно возвращаются к этому времени, имевшему для обоих чрезвычайно важное значение.

Для Брюсова этот период становится «ключом ко всей его жизни». В переписке он постоянно обращается к ней: «Может быть, ради этого месяца прожил я все томительных тридцать лет моей жизни, и воспоминаниями об этом месяце будут озарены все следующие тридцать лет. Как символ этих дней, Твой образ стал для меня святыней» (письмо от 1 июля 1905 г.) [Брюсов, Петровская, 2004, 69]. И в письмах Нины Петровской звучит тот же мотив: «...30 дней, 30 вечностей, когда мы только друг другу смотрели в глаза. И Сайма, и бледное небо, и ночи, и ночи, – они не в Финляндии, они в душе, неприкосновенные, дорогие навсегда» (письмо от 3 июля 1905 г.) [там же, 72]. «Ты не поверишь, девочка Нина, звездочка моя, как часто, как часто ко мне возвращаются во сне эти дни среди гранитов, *наши* дни» (письмо от 10 июля 1905 г.) [там же, 81] – и такие отрывки есть практически в каждом письме того периода.

В романе тоже есть период счастливой любви между Ренатой и Рупрехтом, наступивший после поединка Рупрехта и графа Генриха. Продлился он тоже месяц, и о нем Рупрехт пишет: «И теперь, вспоминая этот декабрь, который прожили мы с Ренатой, как новобрачные, я готов на коленях благодарить Творца, если свершилось все его волею, за минуты, которые мог испытать. А в те дни только одна мысль настойчиво занимала и тревожила меня: что жизнь моя достигла своей вершины, за которой не может не начаться новый спуск в глубину, что я, как Фаэтон, возница колесницы Солнца, вознесен к зениту и, не сдержав отцовских коней, должен буду позорно рухнуть по крутому склону вновь на землю. С томительной поспешностью старался я всем существом впитать в себя блаженство высоты и исступленно говорил Ренате, что самое благоразумное – было бы мне умереть, чтобы счастливым и победителем оставить эту жизнь, в которой, несомненно, еще ждали меня, не в первый раз, трагические маски скорби и поражения» [Брюсов, www].

Та же мысль – о достигнутой вершине и неминуемом спуске, который должен начаться после нее, – была и в письмах Брюсова к Нине Петровской: «Как много раз я говорил, – да, то была вершина моей жизни, ее высший пик, с которой, как некогда Пизарро, открылись мне оба океана – моей прошлой и моей будущей жизни. Ты вознесла меня к зениту моего неба. И Ты дала мне увидеть последние глубины, последние тайны моей души» [Брюсов, Петровская, 2004, 69] (письмо от 1 июля 1905 г.) – «Валерий, дорогой, не надо, не надо такой безнадежности! Ты говоришь, „спуск“, вершина миновала, впереди тебе как будто не видится ничего... Нет, верь, дорогой, это не спуск, *это начало*» [там же, 71] (письмо от 3 июля 1905 г.).

И впоследствии в письме от 1 сентября 1905 г.: «После было много прекрасного, удивительного, предельного, – но то было, как отдельная вершина, как небольшой пик, на гребне горы. Правда, *географически*, считая „от уровня моря“, мы подымались выше, чем в Финляндии, но психологически мы вошли на высь – там, и оттуда уже видели всю даль, всю бесконечность неба и всю беспредельность земли. А теперь спуск, обрывистый, хотя и медленный. Еще веет горный, чистый ветер. Еще под ногами беленький эдельвейс, цветок вершин. Еще далеко внизу поет горный рожок. Но ноги уже цепляются в кустарниках, растущих по склонам. Уже быстро, быстро становится прошлым, отошедшим, далеким – та вершина, на которой мы стояли недавно. И в сердце горькое сознание, что к ней не вернуться» [там же, 131].

Когда любовь, по мнению Нины Петровской, начала ослабевать, она в своем письме вновь обращается к образу вершины: «В последние встречи мы с головокружительной быстротой катились вниз, прочь от той вершины, с которой однажды засияли такие прекрасные дали» [там же, 160].

Наконец, письмо от 2 июня 1906 г. дает точный ответ на вопрос о происхождении образа достигнутой вершины и неминуемого спуска с нее. Брюсова потрясает тот факт, что уехавшая в Варшаву Петровская, приехав на несколько дней обратно в Москву, не пытается увидеться с ним, и он пишет: «Я был прав, когда на пути из Финляндии говорил Тебе, что вершина пройдена» [там же, 187]. Как видно, в данном случае образ достигнутой вершины и неминуемого спуска с нее первоначально возникает в рефлексии, в письмах, затем переносится в роман.

Рассмотрение переписки как источника комментариев к художественному произведению привело к выделению двух ее основных функций:

- 1) переписка как источник информации о жизненных событиях и преломлении их на страницах художественного произведения;
- 2) переписка как источник информации о работе автора над произведением.

Это позволяет подчеркнуть важность писем как текстового источника: промежуточной точки на пути от жизни к тексту романа.

Заключение

Функции переписки в качестве источника комментариев неотделимы от эпохи создания произведения. Одной из перспектив развития данной темы в связи с этим представляется анализ эволюции исторической роли писем в художественной литературе. То есть анализ романов в письмах, романов XIX века, где, наряду с работой над художественным произведением, многие авторы вели обширную переписку; анализ современной литературы. Ситуация в современной литературе более чем интересна, так как письмо само по себе стало уходящим жанром (появилась телефонная, электронная связь), и написание письма уже может считаться знаковым.

Библиография

1. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
2. Брюсов В.Я. Огненный ангел. URL: <http://www.silverage.ru/poets/brusov>
3. Брюсов В.Я., Петровская Н.И. Переписка. 1904-1913. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 776 с.
4. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М.: Наука, 1989. 176 с.
5. Ильев С.П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 168 с.
6. Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб: ТАЛАС, 2004. 400 с.
7. Мочульский К.В. Александр Блок, Андрей Белый, Валерий Брюсов. М.: Республика, 1997. 478 с.
8. Ходасевич В.Ф. Некрополь. СПб: Академический проект, 2001. 720 с.
9. Чудецкая Е.В. «Огненный ангел». История создания и печати // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 4. 352 с.
10. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты. Томск: Водолей, 1998. 288 с.
11. Ясинская З.И. Исторический роман Брюсова «Огненный ангел» // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван: Айастан, 1964. С. 101-109.

The dialogue space of the correspondence by Valeriy Bryusov and Nina Petrovskaya as a mode of constructing of fiction space of the *Ognennyi Angel* novel

Tat'yana L. Pavlova

The chairman of the department of Philology, Technical Institute (branch),
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
678962, 16 Kravchenko st., Neryungri, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation;
e-mail: pavlova-sizykh@yandex.ru

Nadezhda A. Larina

PhD in cultural studies, associate professor,
State University of Humanities and Social Studies,
140411, 30 Zelenaya st., Kolomna, Russian Federation;
e-mail: larina-n-a@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the correspondence of the author of the text as a source of information about the text. This information could be taken from the letters, which explain how the text was created or how different real events were transformed and changed in the text space. The interesting case of such situation is represented in the correspondence between Nina Petrovskaya and Valeriy Bryusov who were passion lovers, and Bryusov used their relations as a base for the novel *Ognennyi angel* (The Fire Angel). All the events of real life were re-lived in the texts two times at least: firstly, the characters lived them in the reality, after that they discussed it in their correspondence that was very large and counts many years. After that, the author of the text used these ideas and events in his novel that made out of them the symbolic events in the space of the symbolic text. Consideration of the correspondence as a source of comments to the work of art led to the separation of its two main functions: 1) correspondence as a source of information about life events and their refraction on the pages of the work of art; 2) correspondence as a source of information about the work of the author over the work. This allows to emphasize the importance of letters as a text source: an intermediate point on the way from life to the text of the novel.

For citation

Pavlova T.L., Larina N.A. (2017) Dialogicheskoe prostranstvo perepiski Valeriya Bryusova i Niny Petrovskoi kak sposob konstruirovaniya khudozhestvennogo prostranstva romana "Ognennyi angel" [The dialogue space of the correspondence by Valeriy Bryusov and Nina Petrovskaya as a mode of constructing of fiction space of the *Ognennyi Angel* novel]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 258-267.

Keywords

Symbolism, novel, correspondence, reconstruction, Bryusov, Petrovskaya.

References

1. Belyi A. (1994) *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world comprehension]. Moscow: Respublika Publ.
2. Bryusov V.Ya. *Ognennyi angel* [The fire angel]. Available at: <http://www.silverage.ru/poets/brusov> [Accessed 02/01/2017].
3. Bryusov V.Ya., Petrovskaya N.I. (2004) *Perepiska*. [Correspondence]. 1904 – 1913. Moscow.
4. Chudetskaya E.V. (1974) "Ognennyi angel". Istoriya sozdaniya i pechati [*Ognennyi angel*. The history of creating and publication]. In: Bryusov V.Ya. *Sobranie sochineniy* [The complete works], vol. 4. Moscow.

5. Ellis (Kobylinskii L.L.) (1998) *Russkie simvolisty* [The Russian symbolists]. Tomsk: Vodoley Publ.
6. Ermilova E.V. (1989) *Teoriya i obraznyi mir russkogo simvolizma* [The theory and image world of Russian symbolism]. Moscow: Nauka Publ.
7. Il'ev S.P. (1991) *Russkiy simvolistskiy roman. Aspekty poetiki* [Russian symbolist novel. The aspects of poetics] Kiev: Lybid Publ.
8. Khodasevich V.F. (2001) *Nekropol'* [Necropolis]. Saint Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ.
9. Lavrov A.V., Grechishkin S.S. (2004) *Simvolisty vblizi. Ocherki i publikatsii*. [The symbolists at close. The essays and publications]. Saint Petersburg: Talas Publ.
10. Mochul'skii K.V. (1997) *Aleksandr Blok, Andrei Belyi, Valerii Bryusov*. Moscow: Respublika Publ.
11. Yasinskaya Z.I. (1964) Istoricheskiy roman Bryusova "Ognennyi angel" [The history novel by Bryusov *Ognennyi angel*]. In: *Bryusovskie chteniya* [The Bryusov readings]. Erevan: Ayastan Publ., pp. 101-109.